

га в этом деле, как и во многих других, принадлежит ему, хотя в «Истории» он и укрылся под вымышленным именем.

По заключении мира он нашел в Либурне множество вельмож и удобный случай совершить все то, что описано в главе 2-й книги пятой того же тома. Хочу лишь добавить к сему рассказ об одном галантном происшествии, которое я не осмелился включить в «Историю».

Однажды, гуляя с Обинье на берегу реки Дронны, некий португальский коннетабль⁵⁸ стал испускать глубокие вздохи, сорвал с дерева кусок коры (в ту пору деревья были в цвету) и, рассказав на испанском языке о своем томлении по некоей даме, начертал на этой коре следующие строки по-латыни:

*Если спешишь ты, река — счастливая — в даль океана,
Если Гесперию зреть судьбы позволят тебе, —
Хоть на мгновенье постой, возьми меня в край мой с собою,
Чтоб растворился в волнах тот, кто слезами истек,
Пусть же отныне огонь, сжигающий нежное сердце,
В водах отчизны моей, даже погибнув, живет!*

Обливаясь слезами, он хотел стать на колени и бросить написанное в воду.

Обинье схватил его за руку, быстро прочитал вслух эти стихи, тут же переложил это латинское шестистишие во французский лирический сонет и записал его на той же коре:

*Раз эти воды спешат
В далекий Океан, о Дронна,
И если судьбы благосклонно,
Среди невзгод, смертей, утрат,
Позволят, чтобы волн раскат
Там, где осталась наша донна,
Слился с твоей волной влюбленно
И стал бы водами богат, —
Постой, возьми меня с собою,
Чтобы истекшего тоскою
Испанским берегам вернуть,
И пусть вблизи родного края
Огонь, сжигающий мне грудь,
Живет в волнах, не умирая!*

Своей живостью Обинье снискал дружбу коннетабля, и необычным образом они разговорились о религии.